

ника. Во-вторых, какие-либо следы «Повести» в летописи не обнаруживаются, а их можно было бы ожидать, если бы «Повесть» о Москве была в числе ее источников, особенно это могло сказаться, например, в рассказе о создании Юрием Москвы, в сообщении об убийстве Андрея Боголюбского, т. е. в отрывках «Повести», сложенных по разнородным материалам.

Кроме того, если обратиться к первому летописному отрывку «Повести» под 6633 г., то необъяснимо, почему автор, прежде чем сказать о Юрии Долгоруком, сообщает о «преставлении» Владимира Мономаха. В летописи же аналогичный ход мысли понятен [вместо «по преставлении» в летописи: «по нем (Мономахе) седе»]: только что перед этим в ней довольно пространно рассказывалось о Мономахе. Поэтому на вопрос о том: «Повестью» из летописи или, напротив, летописью из «Повести» мог быть заимствован отрывок под 6633 г. — более правильно ответить первым предположением.

Вторичность известий «Повести» по отношению к летописи ощущается и в отрывке, в котором имеется фраза, начинающаяся словами: «И быша между ими брани мнози и нахождения поганых татар на Рускую землю». В летописи аналогичному сообщению предшествует (после смерти Всеволода Юрьевича) подробное описание распределения княжеств между сыновьями и родственниками Всеволода. В «Повести» же вместо этого сказано: «И по нем начаша княжити сынове его и сродичи»; описание летописи здесь обобщено, сжато до нескольких слов. Опять-таки представить себе, что составитель летописи извлек отрывок из «Повести» и затем пространил его текст, трудно. Гораздо естественнее предположить, что и в данном случае «Повесть» шла за летописью.

Несколько слов о языке. Сравнивая одинаковые тексты летописи и «Повести», ощущаешь разницу в языке. В летописи язык достаточно прост, в «Повести» же (в той ее части, которая оканчивается сообщением о наказании убийц Андрея Боголюбского) несколько напыщен и приподнят (см. отрывки под 6633, 6666 гг.). Летописный текст, текст не «обработанный», написан простым языком, типичным для летописи, по включении же в «Повесть» с пышным вступлением, выписками из Хронографа он оказался отредактирован и подогнан под общий стиль создаваемого сочинения.

Из всего сказанного, как кажется, вытекает, что «Повесть» опирается на летопись, что все погодные записи «Повести» имели своим источником подобный упомянутым летописцам памятник.¹¹

Отметим еще, что в текстах обеих летописей, по сравнению с «Повестью», в интересующих нас отрывках встречаются и посторонние чтения, отсутствующие и в Хронографе 1512 г. Возможно, конечно, что эти чтения были и в протографе-летописце «Повести», скорее же всего это позднейшие наслоения, следы редактирования летописца-протографа. Иначе, думается, они отразились бы в «Повести».

Вот как нам представляется картина появления летописных статей «Повести». Русские статьи Хронографа 1512 г., попав в летописные

¹¹ Известия летописи F.IV.343, близкие к летописным записям «Повести», в середине отрывка под 6666 г. после слов: «а с ним пошел и сын его князь великий Андрей Боголюбский» — перебиты вставкой в них четырех повестей о Москве, в том числе и «Повестью о зачале Москвы». Однако нашим представлениям о том, что сначала была летопись, а потом только появилась «Повесть», это обстоятельство не мешает. Во-первых, в летописи ГИМ, собр. Увар., № 670 такой перебивки текста нет, по-видимому в F.IV.343 эта вставка случайна, во-вторых, как показал текстологический анализ, записи летописи F.IV.343 с летописными заметками «Повести о зачале Москвы» находящейся в ее составе, не совпадают.